

Сатисфакция

СТРЕЛБА ПО МИШЕНИ

В ПОСЛЕДНИЕ годы имя Горького стало одной из любимых мишеней для людей, увлеченных борьбой с тоталитаризмом. В борьбе этой теряются ориентиры — их заменяют идеологические клише с противоположными знаками: плюс на минус. «А.М. Горький умер сам или его отравили? — Шестидесятилетие мрачной мистификации» — так называлась статья В.Топольского в «ЛГ» от 12.06.96.

Итак, умер сам или отравили? Драматизм всяких там духовных исканий писателя, его судьба в условиях тоталитарного режима автора совершенно не интересуют. Львиная доля энергии отдана сбору и изложению медицинских материалов о том, когда и чем болел несчастный Горький в течение всей своей жизни. Картина складывается столь внушительная, что у читателя может создаться впечатление, будто Горький больше ничем и не занимался. (Совсем как в анекдоте: «И кто был ваш папа? — Мой папа был чахоточный. — Нет, чем он занимался? — Он кашлял. — Но с этого же не прожилешь! — Он таки умер...»)

Уж не мистификацией ли является то, что работал писатель по десять часов в день, писал множество писем (вряд ли кто другой в мире написал столько), прочитал лично и отредактировал море рукописей, порой даже того

комитеты беспрестанно наполняли». «Как? Эти люди, совершавшие Революцию, сделали это только для того, чтобы ее погубить?» Ну разве не прямая проекция на современность, на таких, как Каменев? Скандал разразился, когда «Academia» сделала попытку опубликовать «Бесов» Достоевского. В «Правде» немедленно появилась провокационная статья Давида Заславского «Литературная гниль» по поводу «клеветнического романа» о революционерах, причем напечатана она была спустя несколько дней после публикации обвинительного акта против Каменева в связи с «причастностью» его к убийству Кирова... Горький немедленно вступил в полемику с «Правдой» и взял издательство (а значит, и Каменева) под защиту.

Как же понимать все это сказанное заявление В.Топольского, что Горький «вовсе не протестовал против его (Каменева. — В.Б.) ареста в декабре 1934 года»? Надо быть абсолютным простаком, ожидая, что кто-то тогда выступит в печати с прямым протестом против нарушения законности.

Подобных и еще более весомых примеров из биографии Горького — множество. В обстановке подавления свободы слова примеры эти в совокупности рисуют картину вовсе не безобидного культуртрегерства, а подцензурную форму критики режима и даже борьбы с ним.

В.Топольский ничего этого знать не знает, а главное — и не хочет. Потому что это может пошатнуть идеологическую подос-

режим в тюрьме вооружил его многими любопытными впечатлениями — они немедленно нашли выход в творчестве (пьеса «Мещане» — об этом я писал не раз в связи с находкой неизвестного письма сына начальника нижегородского острога Горькому по поводу угрозы притеснений в середине 30-х годов, которые отпали сразу после немедленного горьковского ответа).

С другой стороны, картина у Топольского расширяется за счет материалов, явно отживших свой век (опровержение примитивной версии о коробке отравленных конфет, присланных будто бы Горькому Сталиным).

Но гораздо важнее, как трактуется последняя болезнь писателя (неплохо бы при этом автору вспомнить своих предшественников-союзников: еще в 1990 году была в «Вопросах литературы» опубликована обширная статья Владимира Баранова). А со страниц той же «Литературки» широкий читатель впервые узнал содержание ценных воспоминаний родных и близких, находившихся при писателе в самые последние его дни (публикация 1989 г.).

Я был вынужден опубликовать письмо в редакцию «Придуманная мистификация и реальная фальсификация» («ЛГ» от 04.09.96), где называю и цитирую статьи из выходявшего за рубежом «Социалистического вестника», которые, по категорическому заявлению В.Топольского, никогда в нем не появлялись. И придумал-то я эти статьи, чтобы утверждать: вот причина для сталинской расправы над Горьким (хотя в своих

этот упрямый старик. Тогда во время прихода Сталина со свитой для последнего прощания Горький вдруг поднялся со смертного одра, сел и с полным сознанием заговорил о литературе, о своих творческих планах на ближайшее будущее. Все, включая и Сталина, были буквально поражены этим чудом. Очевидно, не случайно один из лечащих врачей, в полной мере осознавая, насколько организм писателя был подточен болезнями, называл его все же могучим. Нельзя же все эти (известные в общем-то) обстоятельства игнорировать!

Сталин не мог уповать на стихийный исход болезни. Мудрый вожь исповедовал четко сформулированную им же истину: есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы. Что как не болезнь было наиболее благоприятным фоном для решения проблемы. А решать ее следовало без промедления, потому что на 18 июня давно была запланирована встреча Горького с Андреем Жидом (кто бы мог подумать, что старик дотянет до этого числа? А вдруг да чудо совершится еще раз, и наговорит он французскому вольнодумцу Бог знает что!).

Я нарочно задержался с перечислением тех, кто убежденно провозглашает или с разной степенью аргументированности доказывает, что Горький был устранен по сталинскому приказу. Теперь пора напомнить их имена. На основании привлечения огромного фактического материала один из первых к идее «устранения» пришел Мишель Нике из Нормандии. Еще раньше с полной

БЕЗ ПРАВА НА ТРАГЕДИЮ

О современных спорах вокруг Максима Горького

Независимая газ. - 1996 - 18 сент. - 47.

и не заслуживающих, был главой многих журналов и издательств... Все это — помимо собственно художественного творчества.

Впрочем, несколько абзацев у В.Топольского отводится и характеристике общественной позиции Горького, тщательно собирается воистину мрачный негатив, в деятельности писателя не видится не только каких-либо просветов, но даже и противоречий, свидетельствующих о попытках преодоления собственных ошибок (а они, конечно же, были). Таким образом воскрешается отвергнутая современным отечественным и зарубежным литературоведением явно тенденциозная, односторонне осудительная характеристика Горького («и не думал выступать против репрессий», «кормился информацией из рук новых друзей-чекистов», «стал советским вельможей», «верным сподвижником Сталина», «литературный генерал Горький» отличался «злопамятством» и т.д.).

Безотказно срабатывает при этом технология дилетантизма. К примеру, «синьором» Горького наш автор называет, ссылаясь на Роллана. Но если не вырывать словечко из контекста, а прочитать московский дневник французского друга Горького целиком, то невозможно не увидеть: портрет писателя исполнен сочувствия и боли за него, выглядит здесь Горький как фигура трагическая. О трагедии «океанического человека» (Борис Пастернак) говорили люди, подходившие к нему с прямо противоположных позиций: от его западного друга Стефана Цвейга до последовательного оппонента эмигрантки Екатерины Кусковой, озгававшей свою статью недвусмысленно — «Трагедия Максима Горького».

«ACADEMIA»

Теперь Горький лишен права на трагедию. Какая может быть трагедия у примитивного приспособленца, продавшегося властям? Нет ничего проще, чем доказать свою правоту путем надергивания подходящих цитат. К примеру, упоминается о том, что Горький способствовал возвращению Льва Каменева из ссылки и назначению его на должность директора издательства «Academia». Упоминается только затем, чтобы сказать потом, что Горький, в сущности, предал его. А само по себе название издательства для горьковского оппонента — пустой звук.

Между тем именно это достаточно элитарное и в течение длительного времени в общем-то спокойно академическое издательство, возникшее еще в 1922 году и имевшее Горького в качестве председателя редакционного совета, в усложнившейся обстановке 30-х годов под влиянием того же Горького заметно изменило свой облик. Достаточно сказать, что оно при жизни писателя оставалось негосударственным и лишь в 1938 году было поглощено, вслед за многими другими, государственным издательством-монстром под названием «Гослитиздат» (потом — «Художественная литература»). — В.Б.) В пору же директорства Каменева, внешне сохраняя прежний облик, «Academia» актуализировала тематику издаваемых книг. «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, биографическая книга об «архискверном», по известному выражению, Достоевском (1935), несколько изданий романа Анатоля Франса «Боги жаждут»... Два слова об этом произведении писателя (кстати, вместе с Горьким протестовавшего еще в 1922 году против расправы над партией эсеров). Посвященный Французской революции, роман наполнен такого рода пассажами: «Мы завалены доносками, они поступают отовсюду в таком изобилии, что мы не знаем, за кого раньше приняться». «Революционный трибунал разгружал тюрьмы, которые

1920 Ю. Анненков

Максим Горький.

нову его медицинской концепции: ведь верного сталиниста уничтожать было вовсе незначительно...

ПЕШКОВ И ГОРЬКИЙ

Выдвигается также весьма сомнительный тезис о том, что беллетрист-дебютант Пешков «оставил эксперимент по расщеплению личности, взяв себе псевдоним Горький». Далее дается ссылка на авторитет Евгения Замiatина, хотя свидетельство друга Горького не только не подтверждает этот экстравагантный тезис, а скорее опровергает его. «Они жили вместе — Горький и Пешков, — пишет Замiatин. — Судьба кровно, неразрывно связала их (ничего себе — расщепление! — В.Б.) Иногда случалось, что они спорили и ссорились друг с другом, потом снова мирились и шли рядом. Их пути разошлись только недавно: в июне 1936 года Алексей Пешков умер, Максим Горький остался жить». На самом деле эксперимент по расщеплению произвел В.Топольский, с той лишь разницей, что, по его убеждению, умерли оба они — и Пешков, и Горький. Раз и навсегда.

Реальная общественно-творческая судьба писателя Горького нашего автора не интересует. Его интересует болезнь Пешкова. Отдадим ему должное — он прилежно поработал над сбором добытых, прежде всего другими, материалов (статья занимает в газете целую полосу). Нарисованную картину, впрочем, можно было бы еще расширить. Состоянием здоровья Горького была озабочена российская общественность еще в 1901 году, когда его заточили в Нижегородский острог за революционную деятельность. Но честный толкователь этого эпизода биографии писателя добавил бы, что свидетельство врачей (в частности, В.Золотницкого) рисовали ситуацию явно в пользу пострадавшего, с расчетом на его скорейшее освобождение. И приехавший в Нижний художник Нестеров в письме своему другу Турыгину с удивлением сообщал, что месячная отсидка в остроге не очень отразилась на здоровье А.М., но либеральный

работы я называю другие, гораздо более веские основания). По правде говоря, с такой дикой фальсификацией за десятилетия научной работы мне приходится сталкиваться впервые.

В том же номере последовал ответ, суть и тон которого, не говоря уже о заголовке «Шумим, братцы, шумим», нет нужды комментировать после сегодняшней статьи. Тем более что в октябре в издательстве «Аграф» выходит моя книга «М.Горький без грима. Тайна смерти».

Не совсем ясно, однако, вот что: кто автор ответа? «Полемические красоты» — совсем в духе Топольского. Но подпись отсутствует. Следовательно, ответ редакционный. Это уже придает делу совершенно новый оборот. Значит, все измышления дилетанта берутся под защиту — вопреки уже давно сформуливавшемуся мнению международной научной общности. Мне кажется, история со статьей В. Топольского заслуживает серьезного обсуждения с приглашением специалистов-горьковедов и писателей.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЕЦОВ И РЕЗЮМЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Свидетельства очевидцев существенно расходятся с заявлением В. Топольского о том, что Горький «двое суток никого не узнавал и угас, не приходя в сознание». Не соответствует действительности и заявление о том, что «в последнюю ночь умирающего окружали близкие»... Кто именно? Неизвестно. Однако известно, что в ночь на 16-е Горькому стало лучше. Он сказал находившейся при нем Марии Будберг, что они на этот раз как будто выиграли битву. И как раз после этого М. Будберг вытолкала насильно из комнаты медсестру Олимпиаду Черткову, сопровождая свои действия болезненными щипками, чем довела ту до слез, и осталась с писателем наедине. Финал мы знаем.

Сила воли больного была так велика, что он мог бы продержаться и еще несколько дней. Как знать, мог бы и выздороветь и прожить еще какое-то время, что уж никак не входило в расчеты его «высокого друга». Еще 8 июня Хозяин понял, на что способен

категоричностью заявлял об этом работающий ныне в США автор блестящей монографии о Борисе Пастернаке Лазарь Флейшман, глубоко анализирующий общественный фон его биографии: «Факт убийства Горького можно считать непреложно установленным». Из отечественных горьковедов я назвал бы Лидию Спиридовну из ИМЛИ, покойного Леонида Резникова. И, конечно же, одного из ведущих отечественных филологов, человека с мировым именем Вяч. Вс. Иванова, назвавшего свою статью с воистину обезоруживающей прямоот, исключающей всякие кривотолки: «Почему Сталин убил Горького». (Кстати, в недавней публикации об Александре Фадееве в «ЛГ» Вяч.Вс.Иванов подтвердил верность идее своей статьи.) Той же точки зрения придерживаются историки Антонов-Овсеенко, Роберт Конвист, автор всемирно известной книги «Большой террор»: «Все свидетельства показывают, что Горький умер неестественной смертью». Это же убеждение исповедуют и писатели, причем относящиеся к Горькому совершенно различно: его сподвижник Шкапа и последовательный оппонент Солженицын. К такому же выводу склоняется бежавший на Запад и хорошо осведомленный в тайнах Кремля разведчик Вальтер Кривицкий, автор сенсационно разоблачительной книги «Я был агентом Сталина».

СТАЛИН КАК МИФТВОРЕЦ

Просчет «естественников» объясняется очень просто. В век, когда над историей стала бесконтрольно властвовать политика, они просто отринули все обстоятельства общественной борьбы. Но не наивно ли плазменную температуру социальных катаклизмов измерять при помощи медицинского термометра?

Кто только теперь не замещает филологов! Конфуз уже произошел с доктором юридических наук, который попытался обвинить меня в искажении истины «вслед за oberпалачом Вышинским» (какова терминология в наши-то дни! — см. «Московские новости», № 17, 1996). Рецензенты фильма «Под знаком Скорпиона» резонно сетовали по поводу того, что создатели ленты не воспользовались услугами горьковедов: филологам предпochли мало кому известных историков — не оттого ли в картине немало фактических несообразностей.

И еще одно соображение о природе дилетантизма. Отстаивая ту или иную версию, которая представляется ученому истинной, он допускает существование других точек зрения. Иной раз приходится и отказываться от той, обоснованию которой отдают годы и годы, и пожать руку тому, кто оказался более прав. Не то дилетант. Для него истина существует в единственном экземпляре. Приватизированном им. Остальное — все что угодно, вплоть до «мрачных мистификаций»...

В своей статье В. Топольский прямо обвинил меня в том, что я взялся за умерщвление Горького. Горького — писателя и гражданина умерщвляют вовсе не те, кто доказывает причастность властей (а не врачей) к его гибели. Умерщвляют его в сознании миллионов те, кто, фактам вопреки, берут на себя тягую ответственность и объявляют его последовательным слугой кровавого сталинского режима, проявлявшего о своем лакее трогательную заботу до последних минут, когда лакея настигла так называемая «естественная смерть». В сущности, спустя 60 лет возрождается удело сконструированный Сталиным миф (вот где мистификация!). Тот же миф, только с обратным знаком. Бьюлю безудержную апологетику сменяет тотальный негативизм.